

попaдaнец
пoпaдaнec

Константин Ежов

ВРЕМЯ
ПЕРЕМЕН

Константин Ежов

Время перемен

Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст книги предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/39832074>

Время перемен. Роман: АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва;

2019

ISBN 978-5-17-112010-8

Аннотация

<p>Чтобы немного отвлечься от неудач в жизни и осенней хандры, тридцатилетний Кирилл в день своего рождения едет на рыбалку. Парень еще не знает, что случайная встреча со странным рыбаком полностью изменит его судьбу, на которую он так неосторожно пожаловался. Побеседовав с Петром Назаровичем и решив искупаться в холодной воде, Кирилл начинает тонуть, а очнется он совсем на другом берегу, в другом времени, в другом теле – в теле малолетнего царевича Ивана, сына властной Елены Глинской. Теперь он со всех сторон окружен хитрыми боярами и преданными царскими няньками, без которых шагу нельзя ступить, но природная любознательность и жажда великих свершений не дает покоя...</p> <p>Станет ли этот «мальчик», обладающий внушительным багажом знаний взрослого человека из XXI века, тем самым Иваном Грозным, известным своей жестокостью? Покажет время!</p>

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Константин Владимирович Ежов Время перемен *Роман*

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Константин Ежов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Был солнечный теплый день пятого сентября. Вчера был мой день рождения. Вот мне уже и тридцать. Только грустна моя жизнь. Хочется чего-то такого немислимого, а есть лишь обычные тягучие и заполненные всякой мелочью дни. Даже вот не женат. Да и где найти хорошую и красивую жену? Вокруг только красивые стервы или хорошие и добрые, но страшные.

И вот я решил пару дней после дня рождения не выходить на работу и взял отгулы. С утра показалось хорошей идеей взять палатку и всяких продуктов да выехать с ночевкой на реку. Сижу теперь как дурак. И смакогон греется, и шашлыки стынут, а не тянет пить. Думал так: нажрусь как свинья, и отступит эта серая и унылая реальность. Нет, не подумайте, я не пьяница! Просто муторно на душе. Вот и сижу на раскладном стуле перед таким же столом.

На столе стоит запотевший стопарик чистойшей, как слеза, пока еще холодной, самогоночки, шашлычок на шампуре и огурчик свежий порезан, и помидорчик. Рядом речка и тишина. Картина должна бы радовать, ан нет.

Душа бунтует и противится: як тако возможно – пить одному, как последнему забулдыжнику! Душа требует общения. Ну где ей найти напарника? Негде.

Но зря я так думал. Буквально тут же на берегу нарисовался такой колоритный дедок с удочкой, с огромной, но аккуратно ухоженной бородой, серебристой от седины. Идет себе не спеша по берегу. А я тут, понимаешь, погибаю уже!

– Извините, что спрашиваю, – только и успел сказать.

– Да ты не извиняйся, милоч, лучше говори.

– Э... Уважаемый.

– Ежели ты ко мне с уважением, так я завсегда рад помочь.

Меня, кстати, Петром кличут.

– Э... Петр, вы о чем?

– Я про то, что пора уже наливать, а не ляды точить.

– А почему вы решили, что я вас приглашу?

– Я же вижу, ты человек с понятием. Вона как поляну накрыл, а сидишь один. По всему видно, не алкаш какой-то, да и на бомжа не похож. Значит, что?

– Что?

– Напарник тебе нужен, для беседы задушевной.

– Ну, Петр, не знаю, как по батюшке вас, ну, удивили. Присаживайтесь. С таким мудрым собеседником и поговорить не грех, ну и выпить заодно. Меня Кириллом зовут.

– Назарович я по батюшке. Наливай и мне. Хлопнем по рюмашечке.

Я не заставил себя ждать. Достал второй стопарик, да и налил по рубчик. В компании масть пошла, и хорошо пошла.

Помолчали мы маленько, да и повторили, а затем уж и разговор пошел.

– Вот смотрю я на тебя, Кирилл, и удивляюсь. Почто такой молодой здоровый, и здесь один и оказался?

– Да, понимаете, Петр Назарович, устал от будничной сестрости. А хочется сделать великое.

– Да надо ли тебе это великое? Вон, смотрю, кольца на руке нет. Лучше бы женился, детишек завел.

– Не встретил пока своей половинки. Хочется вот влюбиться, чтоб раз и навсегда. Да вот не сподобился.

– Ну а друзья как же?

– А что друзья? Друзья, как известно, познаются в беде. Вот и случилась однажды в моей жизни беда... Одним сло-

вом, нет у меня человека, которого я с чистой совестью назвал бы другом.

– Да... Эх тебя жизнь-то потрепала! А вот придет к тебе приключение и великое, не спужайся?

– Да я, батя, не из робкого десятка, только где оно немислимое.

– Все-то вам, молодым, весь мир перевернуть. Нет чтобы подумать! Если очень хочешь, может, что и исполнится. Ладно, бывай.

Я и не заметил, как за степенным разговором завечерело. Хоть и выпили мы на двоих немного, но меня на солнце совсем развезло. Чтобы хоть как-то освежиться и развеять хмель, решил искупнуться.

Прямо с берега и нырнул в реку щучкой. Вода неожиданно оказалась обжигающе ледяной. Все тело охватила судорога, и я бессильно стал тонуть. Хуже всего было то, что был на берегу-то один, и спасти меня просто было некому. Если и хватятся меня, то только завтра.

На какое-то мгновение я потерял сознание. Оно вернулось ко мне, когда в легкие попала вода, и мою грудь от этого стало буквально разрывать. Вдруг чьи-то сильные руки схватили меня и потащили наверх.

«Это, наверное, Петр Назарович вернулся».

Сколько же радости было от этой мысли – от мысли, что хоть кому-то на этом свете, хоть чуть-чуть еще нужен! Как же блаженен был вдох, который я сделал, когда меня вытащили

на поверхность!

Глава 1

Ташил меня какой-то бородатый мужик огромного роста. Что за путешествие Гулливера в России? Почему он такой гигантский? Таких же не бывает! Я где вообще? Попытался извернуться и посмотреть на берег. Это удалось, отчего мне поплохело... Это был чужой берег. Где палатка? Кто сожрал шашлык?!

В этот момент я увидел березы. Самые обыкновенные березы. Вот тогда до меня дошло. Это не мужик был большой, а я маленький. Более того, я был трезв. «Прочистил мозги, называется», – пронеслась мысль.

По берегу бегала куча народу. Какой-то мужик причитал. Бабы так вообще голосили. Вся эта толпа хаотично передвигалась из стороны в сторону. Я видел, как мужику, вытаскивающему меня, дают какие-то советы. По-каковски говорят, было не понятно.

Чьи-то сильные руки подхватили и вытащили. Меня начало колотить. Тут же кто-то стал укутывать, но все равно зуб на зуб не попадал.

«Господи, да где же я? Куда меня занесло? Кто это вокруг? Почему я маленький?!»

Я попытался спросить, но из уст вырвался только вопль. Тут-то и упала адреналиновая волна. В глазах потемнело, и

я провалился в краткое забвение.

Когда же очнулся, мы уже куда-то ехали. Я толком не мог даже пошевелиться. Все мои рефлексy были рефлексами взрослого человека. Управлять же мне нужно было детским телом. По этой же причине не получалось толком говорить. От бессилия я разревелся, как сопливый мальчишка, кем, собственно, и был.

Плачь не плачь, а мысль о том, что надо все-таки определиться, где нахожусь, помогла собраться. Да и собственно, кем я стал? Сколько же мне лет?

Стал прислушиваться к разговору. Редкие фразы были отдаленно похожи на русский. «Точно, это же русский! Только старый», – понял я. Это в какие же времена так говорили? Лингвистом я не был и не мог догадаться по речи, в какое время меня занесло. Может, это сектанты какие, а время наше? Тогда почему я маленький?

Мы въехали в какую-то деревушку. Окружающие назвали ее почему-то Москва. Гонят, наверное. Что я, в Москве не был? А может, это и правда Москва, только старая – ну, до того... до чего, не смог придумать. Одно слово, запутался в своих мыслях!

«Должно же быть хоть что-то узнаваемое!» – с тоской подумал я.

Сначала мы преодолели ров с водой и проехали земляной вал. Было видно, что на месте земляного вала уже начали возводить кирпичные стены. Частично они даже его замени-

ли. Странное зрелище. Новые укрепления уже строятся, а старые еще не снесены. Жизнь явно кипела в этом городе.

Что-то смутное забрезжило в памяти, когда я увидел крепость из красного кирпича. Чем-то она походила на московский Кремль, только вот башни были не остроконечные. Соответственно, не то что звезд не было, даже перспектив орлов не наблюдалось. Башни были покрыты простым деревянным шатром.

«Может, в какую параллельную реальность попал», – тут же подумал я. В пользу этой версии говорило отсутствие Красной площади. Там, где она вроде должна была быть, был глубокий ров, заполненный водой. Попасть в эту крепость можно было только по подъемным мостам проездных башен.

Весь вид у крепости скорее был суровым, а не открытым, как у московского Кремля. Однако она не имела угрюмого вида, как многие европейские замки, благодаря своим новым храмам с блестящими главами и нарядным дворцовым палатам с пестрыми кровлями, живописно поднимавшимися за укреплениями.

Весь наш немаленький караван проследовал к каменным палатам. Из них выбежали еще люди, и поднялась безумная суета. Меня подхватили и куда-то потащили. Кто-то все время причитал, и наконец меня внесли в какие-то покои. Тут же появился какой-то мужчина, по виду иностранец, который стал ощупывать мое тело. «Что я ему, девка! Чего меня щупать!» – хотел возмутиться я, но только опять промычал

что-то нечленораздельное. «Может, это доктор? Тогда ладно, пушай!» – с грустью подумал я.

По словам доктора, великий князь был здоров. Только слегка не в себе, но это пройдет, и он снова заговорит. Эх, мне бы его уверенность!

В палату ворвалась какая-то красивая и стройная женщина. Все вмиг перед нею расступились. Быстрым шагом приблизившись ко мне, она порывистым движением опустилась на колени и заглянула мне в глаза.

По-видимому, найдя в них то, что искала, крепко прижала меня к своей груди. Если вы помните ощущение от прикосновения своей матери, вы поймете, что я испытал в тот момент. Это была она, моя *мама*. Я расплакался от охватившего меня счастья.

В последующие дни я наконец узнал, кем оказался. Моей матерью была Елена Глинская, а я, соответственно, был ее сыном, и звали меня Иван, *Иван IV*, но еще далеко не Грозный, а совсем еще ребенок, пяти лет от роду. Попал я в этот мир 26 августа 1535 года от Рождества Христова по юлианскому календарю. Мы с будущим царем родились в один день, подозреваю, что и в один час, только через столетия.

Ох, Петр! Ох, Назаров сын... Чужло мое сердце неладное еще тогда! Не обошлось здесь без него. Только вот беда – что я мог теперь сделать? Ведь сам просил немислимое! Ведь сам хотел свершить великое! Получите и распишитесь...

Думал ли, что так случится, когда трепался языком? Будь-

те бдительны! Если вдруг встретите этого проходимца, передайте привет ему от теперь уже Ивана, сына Василия. Эх, да погорячей бы, но уж как сможете!

Город был действительно Москвой, но как же она не походила на ту, которую знал!

Интересно, я оказался в прошлом своей страны или все-таки в другом мире? Кто бы мне сказал...

С одной стороны, конечно, мне повезло. Сильно ли вы обратите внимание на поведение пятилетнего ребенка? Тут еще на детский испуг можно списать все несуразности. Даже то, что мне пришлось почти заново учиться ходить, привыкать говорить по-здешнему...

Больше всего проблем доставляло то, что я поначалу никого не знал. А правила поведения вообще были как темный лес.

По мере того, как начинал помаленьку общаться, все больше узнавал про окружающий мир. Понятно, что меня всерьез не воспринимали, но если чего спрашивал, рассказывали. Поначалу, правда, больше сочувственно поглядывали. А, вот, заговорил и вроде как ничего.

Больше всего доставали всякие мамки и опекуны. Нигде от них покоя не было. Хотелось побегать и поиграть. Фигушки! «Великому князю неместно сие поведение»... Тьфу! Ну какое тут детство?

Хуже всего, когда опекунам просто лень куда-нибудь идти. Тысячу причин придумают, почему мне это нельзя. Гады!

Как бы не ставили палки в колеса, я узнавал много всего интересного. Сколько же про Кремль выяснил! Оказывается, укрепляя Кремль, итальянские зодчие использовали и весь опыт римских фортификаторов. Стены и башни располагались по заветам хитроумного Витрувия: «Надо, чтобы башни прерывали ход по стенам; если неприятель завладеет одной частью стены, остальные были бы от него отрезаны». Каждая башня являлась самостоятельной крепостью: отняв приставную лестницу, гарнизон наглухо замыкался в каменной ограде, но в случае необходимости мог скрыться потайными ходами. Круглые башни, если их заполнить землей, оказывали громадное сопротивление снарядам. Кроме того, у них нельзя было разрушить углы, как в квадратных башнях.

А вот о том, что иностранные «муроли» (архитекторы), прежде чем приступить к работам, должны были поехать по другим городам, чтобы познакомиться с русским зодчеством, я и не догадывался.

Китай-город называли так не потому, что там китайцев много жило, и к Китаю он никакого отношения не имел: ведь в давние времена это государство именовалось Катай (степи Монголии, северный Китай) или Чина (современный Южный Китай).

Название района происходило от старого слова «кита», то есть вязка жердей, которые применялись при постройке укреплений, вот так-то. Тот самый земляной вал, а я-то ду-мал!

Вообще, вся оборона Москвы опиралась на московский Кремль. Он представлял собой систему надежных и сильно вооруженных башен, контролирующих окружающее пространство. Стены идут с небольшим изломом, башни же несколько выдвинуты вперед. Благодаря этому с каждой стрельницы во время осадного боя можно было наблюдать за положением на соседних башнях и своевременно оказывать им помощь.

Внутри башни были разделены сводами и деревянными настилами на несколько ярусов и имели хитро расположенные друг над другом амбразуры. Приспособленные для верхнего, среднего и нижнего боя, они располагались так, что никто не мог укрыться, притаившись у стены, или скрытно подобраться к ней. Сверх того были устроены и навесные бойницы, а наверху башни заканчивались боевыми площадками, прикрытыми деревянными навесами, что придавало им еще более суровый вид.

Под стенами, башнями, храмами и другими постройками нового Кремля были устроены подземные ходы и водоемы, сводчатые погреба и кладовые для хранения пороха, оружия и других запасов.

Загадка исчезновения Красной площади разрешилась еще проще. Ее еще не построили! Не было и собора Василия Блаженного. Его я как-то еще не успел построить. Вот мать его ити! И как быть? Строить мне его или нет? Красивый, зараза! Построю, однако, – как вырасту, конечно.

Когда в Кремле завершились каменные работы, в 1508 году итальянский мастер Алевиз Фрязин поднял шлюз на реке Неглинной, и бурный поток наполнил ров, прорезавший всю будущую Красную площадь, не названную еще даже Пожаром, от Неглинной до Москвы-реки. Кремль, окруженный с трех сторон водной преградой (Москва-река, Неглинная и ров на пустыре, часть которого в дальнейшем назовут Красной площадью), стал возвышаться как неприступный замок на острове.

Вот через этот ров мы и переезжали, чтобы попасть в Кремль. Вид, кстати, был весьма живописный. Может, устроить Красную площадь так, чтобы сохранить ров? Вот не было печали!

Строящуюся стену, которую мы наблюдали, начали строить этой весной. 16 мая 1535 года состоялась торжественная закладка ее из камня, причем первый камень в фундамент заложил митрополит Даниил. Строительством стены руководил итальянец Петрок Малый Фрязин, который возводил ее по последнему слову тогдашней фортификационной науки, с учетом разившейся артиллерии, что особо бросается в глаза при сравнении с кремлевскими укреплениями: стены Китай-города были ниже, но зато толще, с площадками, рассчитанными на орудийные лафеты.

Эта стена должна была заменить старые укрепления и стать оградой Китай-города. Собственно, предыдущие были сооружены весной 1534 года, причем в работе участвовали

все москвичи, кроме наиболее знатных и видных.

Они в свою очередь заменили обветшавшие и ограждавшие меньшую площадь укрепления, сооруженные в 1394 году, когда в ожидании нашествия Тамерлана вокруг посада стали спешно рыть ров по линии нынешних Большого – Черкасского – Владимирского – Псковского переулков. На протяжении более чем столетия он был единственной защитой посада.

Остальная Москва представляла собой довольно жалкое зрелище. Сплошь деревянная, она постоянно страдала от пожаров и вновь отстраивалась.

Я не был историком и поэтому не мог понять, было ли это в моей истории. По мне так это не важно. Здесь и сейчас вершилась история, то, каким быть государству Российскому.

На самом деле Иван Грозный наделал делов. Хотя, по большому счету, только Ливонская война была ошибкой. Вернее, не сама война, а наши военные амбиции.

Получалось, что мне нужно было оказаться по крайней мере не хуже него. Эх, руки зачесались! Ух я им! Но пока мне – несется отовсюду – невместно такое. Да что же это! Как от этих всех нянек избавиться, ну или хотя бы сократить их число?

Вот в Кремль возвращаться никогда не хотелось. Атмосфера интриг и подковерной борьбы бойцовских бульдогов, там не выветривалась. Борьба за власть не прекращалась ни на минуту. Схватки возникали по любому поводу, даже по

самому незначительному. Никто не хотел уступить.

Ладно бы в открытую ругались, ан нет. Все чинно и степенно, а посмотришь, да перекрестишься. Потом, чисто для пользы для, прихватишь ножичек. Вдруг сподобится ближнему своему поднять содержание железа в крови, ножичком в спину.

Вот так степенно, за учебой, в атмосфере постоянных интриг и прошел еще год. Был уже 1536 год. Сегодня мне исполнилось шесть лет. Бездеятельность угнетала. Нужно было что-то делать с этим. Как же хотелось хоть каплю самостоятельности! В Москве ее не дадут. Тут я вообще аргумент в борьбе за власть. Причем все думают, что именно они знают, что для меня лучше. Валить надо отсюда, да побыстрее. Какой бы предлог-то придумать, чтобы не развалился о слова, что маленький еще?

Что делать, без одобрения матери ничего не получится. Пристал я к ней и стал канючить. Отпусти, мол, в Коломенское. Поиграться бы мне, а тут только эти бирюки из знатных родов.

– Тебе учиться надо. Да и невместно великому князю с простолюдинами якшаться. Учись быть с ближними своими слугами.

– Мам, ну мам, я учиться и там могу. Ко мне ведь и боярских детей прислать можно. Только не родовитых, чтоб не мерились, кто из них родовитей и на что имеет больше прав, а лучше осиротевших. Заодно их родам поможем. Они со-

всем не безродные, а если они со мной учиться тоже будут, так совсем хорошо. Играть будем вместе, ну и учиться.

– Вот это «ну и учиться» меня и смущает. Вдруг распустят тебя там без пригляда, аль вообще непотребствам учиться будут!

– Так недалеко ведь. Завсегда приехать можно. Еще, мам, мне бы придумки какие сделать.

– Так скажешь, сделают.

– Вдруг дорого будет, или мастер какой нужен, а может, куда съездить захочется.

– Ты великий князь. Будет у тебя казна. А вот о том, чтобы съездить, забудь.

– Мам, ну можно? С охраной.

– Вообще, что я тут с тобой разговариваю? Марш к себе! Ишь чего удумал! Игратья ему охота!

Я же от бессилия расплакался и ухватился за подол матери.

– Мам, ну пожалуйста! Мам, я очень тебя люблю. Я буду тебя слушаться.

– Ну что с ним делать? Запомни, сынок: мужчины не плачут. Ты у меня кто? Правильно, мужчина, но еще и великий князь. Что подумают, когда увидят тебя плачущего?

– Я больше не буду. Честно-пречестно. Никогда больше. Только не умирай, МАМ. Не оставляй меня, – сказал я, вдруг вспомнив, что недолго она еще будет править.

– Что ты такое говоришь, сынок! – с этими словами она

опустилась на колени и, плача, стала целовать мое лицо.

Вот так детские слезы и не вовремя сказанные слова сделали свое дело.

Глава 2

Прошло уже два года. Мне на прошлой неделе стукнуло уже восемь лет. Казалось бы, прошло уже много времени. Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Это я по наивности думал, что вот съеду с Москвы – и все, свобода, делай что хочешь. Ан нет, всяких няnek только больше стало. Еще и соглядатаи, от видных боярских родов. Вдруг здесь чего удумают, и без них! Детей из осиротевших родов почитай и не было. Вместо них бояре натолкали княжеских детишек, да из родов познатнее.

– Ты куда прешь! Сначала старшие идут, затем младшие, все по счету.

– Это вы-то, Жеря, старшие? Да ни в жисть! Мы, Велико-Гагенские, ничуть не ниже вас. Это вы вон Двишнекову говорите.

Диалог почти стандартный, каждодневный. Ругаются, кстати, не малолетние князья, а их няньки. Первые двое – из старшей ветви потомства Владимира Мономаха. А вот третий как раз из сирот, откуда-то с Рязанщины. Ей-богу, будь моя воля, опричнина прямо тут бы и началась. Вот не думал, что в шесть лет стану так ненавидеть!

– Я сказал – без мест, – вмешался в очередной раз я.

Нет, меня, конечно, не послали, пусть бы только попробовали, но поморщились сильно. А вот на моих няnek посмотрели.

рели как на врагов: почто-де, мол, ничему толковому меня не учат? Мои же делали вид, что их сии приземленные материи не касаются. Как всегда, княжеских нянек такое положение дел не устроило.

– Смилостивись, государь! Как можно без мест! Это же поругание всех наших традиций!

– Молча: сказано без мест, значит без мест. И не будет от такого никому поругания, и тем более всему роду.

– Государь, как же так? Не было такого испокон веку. Деды наши жили по счету, отцы, и нам заповедовали.

Нет, ну как вот с такими разговаривать? Им что в лоб, что по лбу. Честно, не виноват я, не выдержал, схватил какую-то корягу и давай дубасить этого умника, да и вообще всех кто попадался. Был бы постарше, без увечных бы не обошлось. А так скорее для острастки получилось. Может, это ничем бы не закончилось и я так бы и остался в положении загнанного волка, но бог милостив: как-то все это дошло до матери. Эффект был как от бензина, подлитого в костер. Боярин Хохолов-Ростовский попал в опалу. За что, я, даже повзрослев, так и не понял. Пожил он еще недолго и умер в середине октября. Вроде бы своей смертью, во всяком случае, даже слухов об его убийстве не было. Обоих нянек, вызвавших великокняжеский гнев, посадили на кол. Обвинили их в покушении на великого князя Московского. Это сейчас не понять, но тогда это было почище святотатства.

Окружение вмиг изменилось. Моя жизнь стала хоть отча-

сти похожа на нормальное детство. Наконец-то вокруг меня оказались осиротевшие отроки из дворянских родов, по-тутошнему княжат и детей боярских, без своих наставников. Почти два десятка. Первое время играть у нас никак не получалось. Робели они страшно при моем виде. Не знаю уж, чего им там наговорили, но подозреваю, что ничего ободряющего. Няньки у них все равно были, но мне на глаза они старались не попадаться.

Быстрее всех к общению с великим князем привыкли трое с Рязанщины, по какой-то прихоти судьбы допущенные ко мне еще с княжескими детьми: Косма Двишнеков, Шарап Матюков и Семей Бородавкин. Я вообще-то никогда не отличался хорошей памятью на имена, но столь непривычные запомнил. Многое приходилось запоминать. До сих пор слова не все мог вспомнить, периодически запинаясь, но дело налаживалось.

– Бедняжка, опять чего-то лопочет!

– Вот ведь, и не говори!

Частенько слышал сочувственный разговор. И ведь особо и не скрывались, похоже, меня по-прежнему считали не совсем в себе, если учесть, сколько оговаривался (это я понимал, что оговаривался, окружающие считали это за бессмысленные звуки).

Собственно, после того происшествия я перестал исполнять роль великого князя. Во-первых, говорил до сих пор не совсем свободно. Во-вторых, только несколько месяцев, как

стал двигаться более или менее нормально. В-третьих, до сих пор дичился привычных здесь обычаев.

– Разговаривать надо приняв горделивую осанку и глядя на собеседника с достоинством. Тьфу! Да не как будто к столбу привязанным. Вот, уже лучше! На что великий князь так тарашится? Что?! Это взгляд с достоинством? Так смотрят, когда чего съели, а теперь срочно до «ветру» бежать надо. Убивать взглядом тоже никого не надо! Нет моих больше сил!

– Прохор, ты куда это пошел, а ну вернись!

– Тая, ей-богу, отстань. Если бы не его матушка, плюнул бы уже и ушел.

Это я сначала думал, что проходу няньки не дают, а сейчас стал понимать, что на самом деле меня учат привычному, а значит, правильному, по местным меркам, поведению великого князя. Учили меня правильному поведению упорно, но так, чтобы без чужих глаз. Лишние пересуды никому были не нужны. И так по Москве пошла череда слухов после того происшествия. Не один молебен был отслужен во здравие великого князя Московского Ивана IV Васильевича. Но самым странным во всей учебе было то, что в принципе я мог приказать все что угодно, это-то и пугало меня больше всего.

Мои выкрутасы в поведении списывали на болезнь. Не знаю, рассчитывали ли окружающие, что стану нормальным, но мать точно надеялась на это. Может, это было одной из

причин, по которой я оказался все-таки здесь, в Коломенском, а не только то, что уговорил Елену Глинскую.

– Говори, Прохор, как есть, ничего не утаивай!

– Матушка государыня, Иван, сын твой, совсем не блаженный. Позабыл он тогда очень многое, но хочет вновь узнать. Изменился он, охочим до всяких всякостей стал. Как будто повзрослел вдруг и сам напугался этого, а сейчас хочет найти, зачем оно ему нужно.

– Ты чего несешь, ему же всего шесть годков исполнилось. С чего ему взрослеть?

– Не гневайся, матушка. Говорю я как чувствую. Не все и объяснить-то могу. Он же весь Кремль облазил, несмотря на все мои запреты. И раньше-то интересовался многим, но не так упорно. А сколько раз уже ездил на строительство стены. Бедный Петрок уже как завидит великокняжеские сани, прятаться стал. Сын ваш как пристанет, что да как, зачем дубовые столбы в ров вбивают, а почто камня так много насыпают. С кирпичом так вообще замордовал.

– Прямо-таки замордовал? – с гордостью в голосе спросила Глинская.

– Истинно так! И почто такие размеры у него, а не другие, и как его делать, и почему он красный. Потом же заявил, что, мол, построит завод кирпичный лучшее этого мастера заморского. Да какой он заморский, какое колено уже у нас живет!

– Прямо так и заявил?

– Да чтоб мне провалиться на месте! Я и икону целовать на том буду. Да вы, матушка, Фрязина самого расспросите. Ему бы каких розмыслов в помощь. Мы же не все ему и объяснить-то можем. Сошлешься на божий промысел, а он только гневаться начинает. А однажды так и вообще заявил: «Бог нам дал разум для того, чтобы мы могли постичь его замыслы, а не для удивления их непостижимостью».

– Что?! Так и сказал?

– Слукавил, матушка, простите, не со зла. Говорил он много больше, это я подсократил малость. Путался и сбивался много. Не хватает ему еще слов, чтобы сказать все, что хочет, оттого, наверно, и тяга к книгам великая. Замучил уже, требуя научить читать.

– Ну что, Иван, сможем бояр в узде удержать, ежели я сына своего в Коломенское отправлю, как он просит?

– Заговор начнут плести. Как бы чего не придумали. Хотя явно выступать не станут. Может, лучше его в Александрову слободу? – ответил ей Овчина Телепнев-Оболенский.

– Нет, туда не стоит! Там все будут напоминать ему об отце.

Так что тогда я действительно был в своем праве, приказав «без мест». Только одно но: не воспринимали мои приказы серьезно. Решительные действия моей матери в буквальном смысле заставили окружающих прислушиваться ко мне.

Вот так и стали играть вместе:

– Прощка, пинай давай! Да не Семена, а по мячу.

Учиться вместе:

– Вот ответь мне, отрок Лука, сколько золотников в одном пуде? Чего уставился на меня, как на икону Божьей Матери?

Ну и проказничать...

– Натягивай.

– ... .. окаянные, веревку натянули.

– Ходу, быстрее, быстрее!

Не сразу, конечно, стали. Поначалу учителя и наставники пытались во все вмешиваться.

– Это что еще за непотребство?! Чего это вы там пинать взялись, а?!

Однако мое положение имело и свои плюсы.

– Это не непотребство, а игра такая. И пинаем мы не что, а мяч, штука такая, специально для того и сделанная, чтобы его пинать.

Тем более, мать стала поддерживать весьма активно.

– Ты, Михайло, организуешь очередь службы охранной стражи подле великого князя в Коломенском. Смотри там, чтобы заговор против него никто не удумал, да укорачивай самых дерзких. Будешь теперь ты воеводой при нем.

– Все исполню, государыня-матушка! – ответил ей теперь уже воевода Венюков.

Жизнь, царившая в Московском государстве, была ей все-таки чужда. В Литовском государстве было гораздо свободнее. Возможно, она хотела воспитать меня другим, не таким

заикленным на традициях.

Во всяком случае, образование мне давали по тем временам самое лучшее. Понимали всяких иностранных учителей. Где столько проходимцев только нашли! Нет, знали они свою службу туго, но работа их явно тяготила, а потому особо не напрягались. Поэтому постоянные мои вопросы – а почто это так или то не эдак – воспринимали как провокацию и призыв к бунту.

– Прохор, вот ты хотя бы на великого князя повлияй.

– На то он и великий князь, чтобы повлиять на него нельзя было! Чего приключилось-то?

– На уроке вцепился в меня как клещ и не отпускал, а ведь еще и других учить надо.

– Тебя нанимали, чтобы ты про дальние страны рассказывал. В первую очередь Ивану, а остальным как получится. Так это и хорошо, что интересуется.

– Но не весь день же кряду! Без обеда ведь оставил, да и ужин холодным есть пришлось. Насилу уговорили прерваться, и то не я, а другие ученики.

– Ты не ропщи, а то не посмотрим, что литвин, сразу вспомним, что русский!

Попробовал что-нибудь из игр в мяч. Мяч получился не очень, да и не совсем круглый. Пинался плохо. Придумали всей толпой, что-то вроде регби. Правил я не знал, но у нас энтузиазма было море. Больше походило на упорядоченную драку, но нам было плевать.

– Вперед, ворота будут наши.

– Ура!!!

– Держите их!

– Ах ты, гад! Получай!

– Наших бьют!

– Да брось ты мяч! Ааа...

Не плевать было наставникам. После того как мне в игре подбили глаз и разодрали ухо, они призвали в судьи Елену Глинскую. Мамке моей наябедничали, гады. Она не стала заставлять себя ждать: явилась очень быстро. Даже я спугнулся. Для нее я просто сын. Всыпет и спрашивать не станет. Но больше беспокоился, как бы моим товарищам не досталось. С них могли спросить, по полной.

– Ма-ма-а-а!!! – с этим криком я повис у нее на шее.

Больше ничего в голову вот так сразу не пришло. Ну, не учился я в театральном и системы Станиславского, да и никакой другой не знал. Поначалу она, конечно, меня прижала, но быстро справилась с порывом. Потом же, отодвинув немного, нахмурившись, уставилась на мой фингал.

Под этим взглядом я сам стал его ощупывать.

– Ой! – невольно вырвалось у меня.

От прикосновений было больно. При виде всего этого на ее лице стал проявляться гнев.

– Мам, не гневайся, это так, случайно вышло! Правда-правда.

– Случайно или нет, это я у твоего воеводы узнаю.

И со значением так посмотрела на Венюкова. Видно было, как ему неуютно стало под этим взглядом.

– А теперь займемся вами, – все с той же угрозой в голосе она обратилась к моим нянькам, которые уже нарисовались во дворе. – Во что это великий князь одет? Вы что же, считаете, что он в этих тряпках ходить должен!

И не тряпки это вовсе были, таких вещей на детях вокруг не было. Одни материалы, из которых все пошили для меня, чего стоили! Ну невозможно было нормально ходить, а уж тем более играть в том, что должен был носить великий князь!

– Мам, это я приказал. Но одежда пошита из самой лучшей ткани, какую сыскать смогли.

В ответ она только посмотрела на меня, но так, что мороз по коже побежал. Так что я решил не развивать тему дальше, во избежание, как говорится. Но теперь ее внимание вновь переключилось на меня. То, что моя матушка была не в духе, было видно по старавшейся рассеяться свите. На глаза ей попадаться не рвались.

«Вот дурак! Ну зачем полез под пулеметы!» – пронеслось у меня в голове, но изменить уже ничего было нельзя.

– Разве так должно вести себя великому князю? – начала наставлять она.

Это мы уже проходили. Так что я быстренько принял горделивую осанку да сделал морду лица тяткой. Эти мои преобразования не прошли для Глинской незаметными. Настав-

ления прекратились. Дальше, как и положено, все пошли уже за мной, со всеми протокольными действиями. Эх! Но все равно заметил мелькнувший ее кулак.

Как сказали бы у нас, оргвыводы сделали немедленно. Слава богу, никого на кол не посадили и даже голову не отрубили. Вот наставников добавилось, чтобы нам, значит, баловством заниматься было некогда.

Появилась пара престарелых воевод, рассказывавших нам о битвах, в которых они приняли участие. Периодически они сменялись, а взамен прибывали другие, из другого края, с новыми историями. Сколько же, оказывается, мы воевали! Почитай, непрерывно. Ежели не здесь, так в другом месте обязательно. Несмотря на перемирие с Литвой, столкновения не прекращаются ни на минуту, только затихают периодически.

Также добавились двое из охранной стражи, Иван и Прокопий Терентьевы, – как сейчас бы сказали, наставники по боевым искусствам. Может, мечный бой и был на Руси не развит, что, кстати, не удивительно, от пули все равно не увернешься, но помахать руками и ногами желающих и умеющих хоть отбавляй. Нам только в радость. Были они братьями, двоюродными.

Сейчас вспоминаю свою обретенную в этом мире мать с грустью. Много она сделала для нашей страны, даже вот за этот небольшой промежуток времени. С 1536-го по приказу Глинской начали отстраивать и укреплять города: Влади-

мир, Тверь, Ярославль, Вологда, Кострома, Пронск, Балахна, Стародуб, позднее – Любим и города на западных границах (защита от литовских войск), южных (от крымских татар) и восточных (от казанских татар: в частности, заложены города Темников и Буйгород).

Хотя это был вынужденный шаг, она фактически ввела единую валюту на территории Руси. Дефицит наличности был настолько велик, что мошенники откликнулись огромнейшим увеличением предложения. Не помогали никакие карательные меры. Экономика нуждалась в резком притоке наличности, а этого не было. Все это привело к сильнейшему вздору денег и падению цен на товары. Резанные монеты заполнили страну. В этих условиях было принято решение о введении новой монеты значительно меньшего веса. Решение довольно оригинальное, в смысле защиты от подделок. Все просто: обрезать с такой монеты толком и нечего. Название она получила по чеканке всадника с копьем, пронзающего змия, на одной из сторон. Эта была серебряная копейка весом 0,68 грамма; одна четвертая часть копейки – полушка. С гривнами их и не сравнить. Сделан весомый шаг для стабилизации экономики Руси, поскольку появились мелкие монеты, и это хоть немного позволило отказаться от бартера, особенно при небольших сделках. Ликвидировались права удельных князей на чеканку собственной монеты.

Началась и реорганизация местного самоуправления

(«губная реформа»): Елена распорядилась изымать дела из ведения наместников и передавать губным старостам и «излюбленным головам», подчиненным Боярской думе, поскольку наместники, как ей докладывали, были «свирепы, аки львове». Систематического характера эти реформы так и не приняли, хотя страна очень нуждалась в них, а затем ее смерть поставила крест на самой возможности продолжения преобразований. На долгие годы ситуация была заморожена.

Были и сомнительные успехи. Я так подозревал, что в войне с Литвой 1534–1537 годов мы лишь реагировали на действия литвинов по причине ее родственных связей с Гедиминовичами. Подозрения к делу не подошьешь, как говорится. При этом за подобное же поведение Ивана Бельского, но по отношению к Казани, посадили, хотя там еще его родственник отметился. В семье не без урода. Семион Бельский и Ляцкий переметнулись на литовскую сторону. Это вызвало волну арестов среди князей литовского происхождения. Но хоть не убивали, и то ладно.

Кстати, среди них оказался и ее дядя, Михаил Глинский. Там, правда, история темная. Вроде как он недоволен был связью Глинской с Овчиной-Телепневым-Оболенским. Но думаю, что недоволен он был не связью, а тем, что до власти не допустили. Хотя отношения с Овчиной-Телепневым-Оболенским подрывали позиции регентши необычайно. Не того ожидали от вдовы великого князя и матери нынешнего.

Собственно, война, впоследствии названная Стародубской, началась с того, что литвины сами себя запугали до дрожи в коленках неминуемым нападением Москвы. Делать нам нечего, только на них нападать! Смоленское взятие дорого Руси обошлось, и пока продолжать войну с нашей стороны никто и не планировал. А вот среди литвинов ходили упорные слухи о готовящемся нападении то там то сям. К примеру, де мы хотели на Киев напасть.

Все проще: рыльце-то у них было в пушку. Постоянные их набеги на наши пределы, естественно, вызывали ответные действия приграничных воевод. А деваться литвинам было некуда. Бежали черносощы от них к нам. Гнобили они их нещадно – а на что еще вести разгульную жизнь шляхте, только выжимать последние соки из податных сословий. Поэтому и утекали от них, сломя голову. Вот чтобы как-то восполнить эти потери, и лезли они к нам и уводили русских в полон. Естественно, мы не могли такого стерпеть и ходили в ответку, освобождать.

Все это сопровождалось постоянными протестами сторон на беззаконие, чинимое противной. Вот и боялись, что терпение у Москвы однажды лопнет и мы вновь пойдем на них войной.

Мы, как всегда, оказались не готовы к войне, несмотря даже на информацию о ее подготовке. По старинке надеялись на русский авось или разум противников, хотя в нашем случае это было одно и то же. Когда речь заходит про Русь, у

них крышу сносит окончательно. И вот, пока мордасами в грязи не искупаешь, да по самые уши, разум в их подставки под шапки и шлемы никак не возвращается.

Как ни странно, литвины еще меньше были готовы. Но гуси, как говорится, улетели окончательно, и потому в общем-то небольшие разногласия в московских верхах там решили считать смутой. Ну очень им хотелось этого, а тут наши перебежчики давай басни плести, да как раз те, которые хотели услышать. В общем, нашли друг друга два одиночества.

Полгода, а то как бы и не больше собирали всей Литвой тысяч 20 или 30. Не помогали даже угрозы Сигизмунда. В собранном войске царил такой разброд, что даже нам не снился. Одно слово, воевать таким войском было невозможно, и тогда они решили хотя бы кровь посворачивать москочитам. Это им, однако, удалось, даже несмотря на то, что и так небольшое войско разделилось на три части. Урон был нанесен серьезный.

А что в Москве? А ничего. Несмотря на, казалось бы, удачную внешнеполитическую обстановку и наличие войск – собрано было порядка 120–150 тысяч человек, воевать мы так и не стали. Решили ограничиться грабежом, чтобы мурно литвинам сделалось. Может, тогда, мол, разум вернется к ним и как-нибудь замиримся. Великое княжество Литовское подверглось разграблению вплоть до самого Вильно. Подозреваю, что именно под влиянием Глинской не стали за-

хватывать крепости. В общем, вот так бездарно была закончена военная компания 1534-го и начала 1535 года. Больше нам обстановка так не благоприятствовала, а супостаты, однако, свою затею не бросили.

Дальше в войну с нами впряглись польские наемники. И началась череда поражений. Нет, победы тоже были, но это скорее для самоуспокоения. Если учесть, что Польско-Литовское войско из примерно сорока тысяч бойцов захватило Гомель и разорило всю Северскую область, то становится совсем невесело. Ежели бы у Сигизмунда денег было побольше, то поляки бы не свалили по домам, и вот тогда нам совсем стало бы кисло. И ведь что обидно, Гомель сдал по малодушию наш же воевода, за что и был заключен в темницу по прибытии в Москву. Только нам от этого не легче, отбить его все равно не смогли, литовское боярство, уцелевшее с момента присоединения этих земель к Москве, решительно выступило против нас.

По перемирию 1536–1537 годов за Москвой закрепились Черниговские и Стародубские земли, правда, Гомель и Любеч остались за Литвой. Вот такой вот странно выгодный мир у нас получился. Собственно, отсутствие денег на продолжение войны остановило Сигизмунда да наше наконец появившееся желание воевать. Неспроста оно появилось. Отметим в этой войне поляки истреблением русских. Именно истреблением. Считать русских недочеловеками, годными разве что на уничтожение, придумали далеко не нацисты. По-

ляки это с успехом делали еще в XVI веке, а шведы в XV. Вот такие они, общечеловеки с руками по локти в крови.

Кстати о Швеции. В 1537-м Россия заключила договор с ней о свободной торговле и благожелательном нейтралитете. В те годы считалось нормой, что все договоры после смерти правителя прекращали свое действие, поэтому возобновление мирного договора со шведами было важным шагом.

Судя по прошедшей войне, поместное войско годилось разве только на то, чтобы пограбить да участвовать в скоротечных набегах. Для тяжелой, изнуряющей войны оно не подходило. Это и неудивительно, ведь создавалась такая система для противостояния степи, а там только так и воевали. Новое же европейское войско оказалось сильнее. При примерно равном соотношении оно у нас выигрывало. Нас спасало только то, что мы могли выставить в поле гораздо больше воинов, чем любой из соседей.

Но эта же война показала слабость Литвы, потому перспективы войны против литвинов были вполне реальными. Она же поставила крест на мирном объединении. Нигде наши войска не встретили поддержки мирного населения в Великом княжестве Литовском, как и войска литвинов в Великом княжестве Московском – повсюду, кроме Гомеля, разумеется. У ослабевшей же Литвы была только перспектива быть поглощенной либо нами, либо поляками.

В годы правления Глинской велась успешная борьба против роста монастырского землевладения, немало было сде-

лано для усиления централизации власти: в декабре 1533 года был ликвидирован удел дмитровского князя Юрия Ивановича, в 1537-м – старицкий удел князя Андрея Ивановича Шуйского.

Не пользовавшаяся симпатиями ни у бояр, ни у народа, как женщина не московских, а скорей, европейских нравов и воспитания, она этой весной умерла. Умерла во втором часу пополудни, подозрительно быстро, и в этот же день была похоронена. Как будто окружающие боялись раскрытия какой-то тайны. Но верхом nepотpeбствa можно считать, что похоронили Глинскую даже не отпев.

Я ее так особо и не узнал. Но только сейчас понял, насколько раньше у меня было меньше проблем. Теперь же постоянно приходилось быть в Москве, участвовать, сидя памятником самому себе, в заседаниях Боярской думы и говорить заученные фразы.

Сидел и думал, как там у меня дела. Я ведь не только учился и играл со сверстниками, но и пытался разности всякие делать. Кое-что уже работало и даже доход приносить стало.

Что было первым – яйцо или курица? Кажется, какая, в сущности, разница! Кому как, а мне этот вопрос решать и приходилось. Чтобы сделать один станок, нужен другой. А что делать, если его нет?

Первая мысль была построить плотину с водяным колесом и присоединить к ней лесопилку. Досок наделать, деньгу сшибить. Только вот незадача: в Коломенском я оказался

осенью, это раз. И на кой мне сшибать деньгу? Нет, ежели чего попутно заработается – хорошо, но великому князю это и не к лицу, и не нужно, это два. Конечно, лесопилка при любом раскладе пригодится, но в том году строить уже поздно было. Еще и мастеров найти надобно. Однако это дело я не забросил. Нагрузил людей, специально приставленных матерью для этого. Плотину построили на следующий год и сделали там мельницу. Но не простую, а золотую. Да не в смысле из золота, однако приносящую – ну, не совсем золото, а только серебро. Мололи на ней не муку, а для начала крошку из глинита и кирпичей неудавшихся. Много их было, очень, пока толком не отладили кирпичное производство. Так это бы стало мусором, а в итоге получили глинит-цемент, который уходил на строительство новой стены в Москве. Собственно, на этом идея водного привода почти заглохла, правда, не совсем, но обо всем по порядку.

Мой дед из прошлой жизни был печником и не только. Я частенько мотался с ним по соседним деревням, когда он поправлял печи: русские, голландки и их комбинации.

– Смотри, внучек, сложить печку – дело нехитрое, только и надо, что голову иметь на плечах да чтобы руки из того места росли, – говорил он.

Честно говоря, было видно, что меня совсем не обманывают. Достаточно посмотреть хоть один раз, как ее сложат, чтобы и самому это повторить.

– Деда, а почему тогда все сами их не ремонтируют?

– Да потому, внучек, что работа эта грязная. Молодежь, конечно, раствор теперь не так заводит, измараться боятся, брезгуют. Потому и заваливаются их печи, а мы, старики, едем исправлять, чтобы простояли они потом долго и служили хозяевам справно.

Дед, кстати, нисколько не кривил душой. Раствор для печей замешивался по «особому» рецепту. Удивительно, но так его заводили столетиями, и он не подводил.

– Да что раствор! Это ноне кирпич все готовый покупают, а раньше мы его сами делали. Хе! Все из того же раствору. Ведь печь, как видишь, потом все равно затирают, потому и без разницы, из сырого она кирпича или нет. А снутря она потом сама при протопке обожжется. Вот так-то вот.

– Так почему же сейчас так не делают?

– Сейчас мне лень делать такой кирпич, тяжело это, да и возраст не тот, и потому использую какой есть. Преимуществ от него нет, только печь дороже, но и люди живут лучше.

Я этого не забыл. Голландки собирать было пока не из чего. Не было ни плиты, ни колосников, ни дверок всяких. Можно было сделать эрзац, но я решил делать основательно и на следующий год. Пока решил заняться русской печью. Класть их здесь и без меня умели, так что это не было открытием века. Печи в основном были без дымоходов, хотя в некоторых особо зажиточных домах их уже делали, но только не привычного нам вида, а горизонтальные. Так что моя печь все-таки будет с изюминкой. Глядишь, оценят и возь-

мут на вооружение. Понятно, соорудить собрался не своими руками, но рулил именно я.

Начали с кирпичей для печек. Да уж... Чтобы отформовать сырец, всего-то нужно сделать форму. Чего, казалось бы, проще! Вот и я так мыслил. Петух, говорят, тоже думал, да в суп попал. Банально не из чего оказалось сварганить эти самые формы: нет досок. Формально и даже физически они присутствуют, но при этом досок все равно нет. Первое – это, конечно же, толщина. Бог бы с ним, что она у них 5–7 см, но перепады такие на одной доске. И, кстати, их получают вовсе не из цельного бревна одну. Не такие уж и дураки были предки. Из одного ствола выходит несколько, с помощью топора и деревянных клиньев. По сути, местные доски – это аналог эдакой здоровой плоской щепы. Понятно, что она по определению ровной не будет и потому дорабатывается с помощью все того же топора и чьей-то матери. Говорят, они даже улучшаются после такой обработки – вроде как не гниют дольше. Врут безбожно! Для несмолистых досок это утверждение вообще сомнительно. Какой-то смысл в этом есть, например, для сосны, но именно неясный. Некоторая закупорка пор, конечно, происходит при обработке ее топором, но происходит это крайне неравномерно. В конечном итоге все равно, вся доска сгниет или только треть – результат один: становится негодной.

– И чего с ними делать?! – изрек я глубокомысленно, тупо уставившись на эти произведения человеческого гения, в

смысле доски.

– Дык, это... Чего скажете, то и сделаем! – заявил мужичок подозрительной наружности.

Может, я чего не понимаю, но, похоже, он всерьез верит, что их этих дров чего-то сделать можно. В глаза бы ему заглянуть, так нет, он как нарочно уже всю землю взглядом просверлил.

– Ты не юли! Смогешь сделать то, об чем уговаривались? Или ты решил великого князя обмануть? – пришел мне на помощь Прохор.

– Как можно! Да я енти формы кирпичные на раз сделаю! – стал возмущаться, видимо, столярных дел мастер.

Но под бдительным оком моей охраны опять сник.

– Ну, раз говоришь, что сделаешь, так давай не подведи! – подвел итог я.

– Мне бы это, кирпич бы, какой надобно из форм получить.

М-да... Задача! Кирпич хоть и распространен уже, но не сказать, что он повсюду валяется. Естественно, точно никто сказать не мог, какими должны быть у него тычок, ложок и постель. Попытки показать на пальцах ни к чему не привели. Бог знает точные эти размеры! Я в тот момент впервые в лоб столкнулся с проблемой измерений. Изготовить кирпич можно было только по образцу. Пришлось слать гонцов в Москву за несколькими кирпичами.

Пока привезли кирпичи, сделали формы, прошло три дня.

Вот тебе и простая задача. Чтобы работать с тем инструментом, нужно действительно быть мастером. Кстати, когда говорят, что все делали без гвоздей, врут безбожно. Делали без железных гвоздей. Заменяли их с успехом дубовыми шкантами. Правда, под них сначала отверстие просверлить надо, но гвозди они есть гвозди, хоть и деревянные.

Пока же делали эти формы, пришлось-таки влезать в хитросплетения русского измерения. Все измерялось вроде как в саженьях. Только саженьей этих было три, и это только номинально. Анатомия-то у людей разная, потому, чтобы получить точные размеры изделия, всегда нужен образец. Бесполезно писать. Потому и кирпичи пришлось везти, вдруг еще понадобятся. Кирпичный завод ведь строить собрался.

– Вот, ежели мерить так, то будет простая, эдак-то маховая, а по-таковски косая. В каждой сажени по четыре локтя, – объяснял Прохор.

– Стой, это как же? Сажени разные, а локтей в них одинаково! – в недоумении уточнил я.

– Так и локти разные. Вот, смотри, это простой, это маховый, а вот это косой.

– И как тогда мерить чего?

– Так уточнять надо, какой саженью мерил, всего и делов. Раньше в сажени было вообще только по три локтя, так ее и показать никак, только в локтях и мерили.

Вот все не слава богу! Мало того что саженьей три вида, так была еще и старая, меньше всех нынешних.

– А чего-нибудь поточнее нет?

– Как нет, есть, однако. Персы свой товар продают аршинами. Так вот, в аршине том шестнадцать вершков. Наши купцы тоже начали аршинами торговать, но только на свой манер. Всяк со своим аршином. Так что глаз за ними да глаз. Вот у персов он всегда одинаковый, не то что у наших прощелыг.

– А сколько это? Покажи.

– Да, почитай, как простая полусажень. Немного поменее. Если не по пальцу мерить, а до запястья, она и будет, или длина руки по плечо.

– А ежели все аршинами мерить?

– Можно. Почему бы и нет!

Я задумался. Соблазнительно, однако, ничего не выдумывать, но как-то мелковат размерчик. Тем более что в версте их получится полторы тысячи штук. Не совсем чего-то для расчетов. Хотя и нынче тоже не лучше. Уменьшать версту не дадут. Столько указов сразу переписывать! От нее ведь десятina меряется. Это же всю страну на уши поставить... И так, версту трогать нельзя, но надо сделать ее кратной десяти. В чем она там нынче меряется? Ага, пятьсот косых сажений. Во, то, что нужно! Это значит тысяча полусаженей. Блин, одна проблема, от чего уходили, к тому и вернулись.

– А сколько этих аршинов в косой сажени? – решил уточнить я.

– Примерно три, может, более, а может, менее чуюток.

Смотря кто мерить будет.

– Так, может, приравнять сажень эту косую ровно к трем?

– Это еще зачем?

– Чтоб у нас тоже была своя точная мера русская, как у персов этих.

– Ну, ежели русская, то конечно можно. Только купцы все одно мерить аршинами будут. Отрез ткани так гораздо удобней отмерять, особенно если под рукой ничего нет.

М-да, с точки зрения купца, аршин куда более практичная мера. Что тут скажешь! Хотя чего это я: полусаженями тоже отмерять ткань не хуже, причем именно косыми...

– Эврика! – завопил я.

– Чего? – спросил Прохор и опять озабоченно стал меня рассматривать.

– Говорю, здорово! – и я стал взахлеб рассказывать посетившую меня идею.

Получалось, если по-моему сделать, то пускай купцы как хотят, так и отмеряют. Главное, появится четкая зависимость между мерами. Вот за основу русской меры я и предложил взять косую полусажень, при условии равенности, полной трем аршинам. Блин, как красиво-то получается! Ничего по сути вроде и не изменится, а появится точная величина, в которой все и меряется. Она и от метра не очень отличаться будет, хоть и поболее, правда, 107 сантиметров примерно. Назвали мы ее «мерой», но название впоследствии не прижилось. Называть ее стали казенной полусаженью, а

потом и вовсе полусаженью, потому как другими мерить перестали, но случилось это нескоро. В одной «мере» десять ладоней, в ладони десять ногтей, а в ногте десять точек.

Сделали мерные линейки гораздо быстрее, чем формы для кирпича. На линейках в одну казенную полусажень были нанесены деления, кратные ногтю, а по другой стороне шла разметка в аршинах, с делениями, кратными вершку. Точки были на линейках в две, три и пять ладоней; на них с обратной стороны были только вершки. Пока они стали законом только в Коломенском, постепенно, по мере размещения заказов на стороне, распространяясь и далее, но, если честно, не особенно.

Пока дурака валял с этими мерами, формы под кирпич и подоспели. Надо было забивать их раствором. Только его сначала надо сделать, и тут затык. Дело в том, что его начали мешать в корыте, выдолбленном из цельного ствола. Так-то ничего, но емкость маловата. Долго получалось. Но я же умный! Решил сделать из досок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.